

П.П.Бырня

ПРОЦЕСС ГРАДООБРАЗОВАНИЯ В ПОДНЕСТРОВЬЕ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

P.P. Birnea. On the Urbanisation Process in the Dniester Region in the Early Middle Age Period

The article deals with the earliest (Ancient Russian) stage in the process of urbanisation on the above-mentioned territory. On this stage (middle of X – beginning of XI centuries) socially and economically most developed settlements just reached the level of feudal centres – prince's fortresses surrounded by open and unfortified satellite settlements. They were on the stage of early urban settlements, proto-towns, when the process of their further development was interrupted, most likely by intrusion of nomad Turks.

Средневековый город, являясь составной частью общей системы социальных отношений эпохи феодализма, зарождался одновременно с генезисом этой формации. Развитие феодальных отношений в Поднестровье в силу объективных условий географического и политического положения в конце евразийского «коридора», длительного нахождения здесь кочевых племен и из-за их передвижений приобрело своеобразный прерывистый характер. Поэтому здесь можно проследить несколько этапов в развитии феодализма — древнерусский, золотоордынский и молдавский — со свойственным каждому из них своеобразным типом городского поселения, которые в конечном итоге составляли три хронологическо-типологических этапа в развитии городской жизни в регионе.

В данной статье речь будет идти только о первоначальном, древнерусском этапе процесса градообразования, имевшего место на территории Днестровско-Прутского междуречья.

Процесс градообразования начинается при достижении обществом определенного уровня социально-экономического развития. На территории Днестровско-Прутского междуречья указанный уровень был достигнут впервые в результате развития восточнославянского общества и достижения им такой стадии, когда происходит отделение ремесла от земледелия. Этот процесс в Поднестровье изучен очень слабо, что объясняется полным отсутствием письменных источников по данной проблеме, недостаточным материалом археологических ис-

следований. И все же на имеющемся, хотя и недостаточном, материале раскопок древнерусских поселений в Молдове, таких, как Екимауцы, Алчедар и др., были сделаны первые попытки в изучении градообразования у древнерусского населения на этой территории.

Вопрос о возникновении самых ранних городов в Поднестровье — древнерусских феодальных городов — изучался Г.Б.Федоровым. Он считает, что города здесь возникли на рубеже IX-X вв., они стали центрами ремесла и торговли, средоточием товарного производства (Федоров 1973: 50). Города, по мнению Г.Б.Федорова, выросли на базе развития ремесел и торговли из наиболее удобно расположенных для этого неукрепленных поселений. Возведение оборонительных сооружений в центре этих поселений привело к стремительному разрастанию их ремесленных посадок, к росту их значения как центров военно-административной власти, ремесла и торговли (Федоров 1973: 60). Наиболее выразительными поселениями городского типа в Днестровско-Прутском междуречье автор считает городища Алчедар (IX-XII вв.) и Екимауцы (IX-XI вв.). Он полагает, что все древнерусские городища с кольцевым и овальным валами в Молдове, такие, как Рудь, Алчедар, Екимауцы, Лукашовка, появились на открытых поселениях VIII-IX вв. (Федоров, Чеботаренко 1974: 76, 81, 93, 96). Это означает, что возникновение укрепленных поселений было подготовлено развитием поселений VIII-IX вв., то есть в период, когда в хозяйстве славян, где железные орудия стали занимать значитель-

* Данная статья была опубликована в 1991 г. в сборнике «Древности Юго-Запада СССР (I — середина II тысячелетия н.э.)», изданном небольшим тиражом и ставшим уже сразу после выхода библиографической редкостью. Учитывая важность этой работы для исследования проблем раннесредневековой истории Молдовы и оценки научного наследия Г.Б.Федорова, редколлегия журнала «Stratum Plus» приняла решение переопубликовать статью П.П.Бырни с незначительными сокращениями.

ное место, наметился определенный прогресс (Русанова 1976: 50).

Дополнительное изучение материалов из раскопок древнерусских поселений Алчедар, Екимауцы и др. позволило проследить два этапа в развитии этих поселений до и после середины X в., причем установлено, что наиболее заметные успехи в социально-экономической жизни восточнославянского населения Поднестровья были достигнуты в середине X в. только после включения этой территории в состав древнерусского государства (Бырня 1984: 29-30).

Изучению феодального города вообще и древнерусского в частности в историографии уделяется значительное внимание. Особенно важным является вопрос о времени зарождения феодального города, его раннегородском этапе. Речь идет о разработках Б.А.Тимощука и А.В.Кузы, которые исследовали именно начальные этапы зарождения древнерусского города, наиболее глубоко и обоснованно вникли в их изучение, определили основные градообразующие признаки, или индикаторы для древнерусского феодального города.

Ознакомление с исследованиями в области истории градообразования (Тимощук 1981: 125-129; Тимощук 1983; Куза 1983: 4-36), а также дополнительное изучение материалов исследований древнерусских городищ Молдовы, проведенных Г.Б.Федоровым, позволили попытаться по-новому подойти к изучению процесса формирования древнерусского раннефеодального города в Поднестровье.

Большим подспорьем для понимания и выяснения этого процесса послужила методика исследований памятников, разработанная Б.А.Тимощуком на базе изучения славянских комплексов Северной Буковины. Она опирается не на изучение одного памятника, а на совокупность исследований материалов всего гнезда разнохарактерных взаимосвязанных между собой поселений, расположенных даже на значительном расстоянии (иногда до нескольких километров) друг от друга. На основе тщательного обследования каждого поселения и анализа археологического материала из жилых сооружений автор определил их социально-экономическое назначение в общей системе гнезда, а также роль каждого из них в формировании раннефеодальных городов (Тимощук 1983). Изучение гнезд поселений производилось с учетом их эволюции во времени и пространстве.

Специфика древнерусского города заключается в том, что он состоял из нескольких поселений — детинца, посада, а иногда и предградья. Появлению городов — центров ремесла и торговли — предшествовали поселения, которые своим развитием подготовили почву для возникновения посадов и детинцев (Тимощук 1981: 117). Установлено, что в VIII-X вв. у

восточных славян появляются ремесленные поселения, что свидетельствует о значительных сдвигах в развитии ремесла. Эти поселения при благоприятных условиях в процессе своего развития становились ремесленно-торговыми посадами феодальных городов (Тимощук 1983: 32). Основой же зарождения детинцев зачастую были княжеские крепости-укрепления профессиональных воинов (Тимощук 1983: 32).

К сожалению, восточнославянские памятники на территории Молдовы изучены недостаточно глубоко и всесторонне. Однако, используя имеющиеся далеко не исчерпывающие и неполные данные об этих памятниках в Молдове, можно попытаться наметить некоторые вехи в процессе формирования раннефеодальных городов на всей территории, что позволит более подробно и углубленно осветить данную проблему в дальнейших исследованиях.

Материалы из раскопок Г.Б.Федорова показали, что на месте Алчедарского поселения в VIII-IX вв. располагалось поселение площадью свыше 20 га (Федоров 1961: 79-80). В это время, то есть в VIII — первой половине X в., здесь располагалось не только это поселение, но целое гнездо поселений: городище, не менее двух селищ, а также курганный могильник. О наличии укрепленного поселения — городища — свидетельствует найденная под подошвой насыпи северной части вала древнерусского времени ступенчатая конструкция стены из обугленных бревен, уложенных горизонтально по периметру вала (Федоров 1968: 85-86), и открытый под насыпью вала в южной части городища колодец 2, от которого сохранилось восемь венцов сруба. Яма колодца 2 была плотно засыпана крупными известняковыми камнями, поверх которых насыпан вал. В заполнении колодца найдена керамика, состоящая из одного лепного фрагмента, обломков керамики из рыхлого грубого теста, характерного для культуры Лука-Райковецкая, и более развитой керамики с примесью в черепке песка и слюды. Обнаруженная в заполнении керамика датирует колодец IX — первой половиной X в. (Федоров 1968: 88-90). Следует попутно отметить, что здесь же, рядом с колодцем 2, в 2 м от него найдены остатки другого, более позднего колодца 1, который датируется керамикой, полученной из его заполнения и характерной для древнерусского времени (Федоров 1968: 90).

Таким образом, материал из колодцев убедительно показал, что колодец 2 предшествовал колодцу 1, выкопанному рядом с первым в период существования более позднего городища. Как колодец 1 был основным источником питьевой воды для древнерусского городища, так колодец 2 являлся источником питьевой воды на первом, более раннем городище, снабжавшем ею население гнезда поселений, которое находило здесь убежище в момент воен-

ной опасности или осады.

Более раннее городище IX — первой половины X в., ко времени существования которого относятся остатки сгоревшей деревянной оборонительной линии и колодца 2, представляло собой тип городища-убежища, для которого характерна оборонительная деревянная конструкция, обугленные остатки которой были найдены на месте перехода вала ко рву Алчедарского городища. Она, по описанию Г.Б.Федорова, состояла из горизонтально уложенных по периметру вала бревен на радиальных опорах консольного типа (Федоров 1968: 86).

К западу от городища-убежища, на правом склоне лощины, располагалось густонаселенное поселение, которое Г.Б.Федоров называет «районом металлургов». На его площади размером 800 × 400 м открыты 94 комплекса, в том числе 27 полуземлянок с печами-каменками, а также связанные с ними сооружения: шесть наземных жилищ-мастерских, 11 домниц для выплавки железа и несколько десятков их остатков, три каменные рабочие площадки, связанные с горячей обработкой металлов, два колодца, 71 яма и т.д. (Федоров, Чеботаренко 1974: 83). Жилища располагались небольшими группами, каждая из которых состояла из двух-пяти полуземляночных жилищ, расположенных неподалеку друг от друга. Как и в северной Буковине, часто в центре такого гнезда жилищ находился общий производственный комплекс — домница для выплавки железа. Эти группы жилищ могли представлять малые неразделенные семьи, состоящие, видимо, из двух поколений родственников — отца и его взрослых сыновей (Тимошук 1983: 15).

В 500 м к западу от городища-убежища находился курганный могильник конца IX — первой половины X в., который состоял из 34 насыпей, расположенных узкой полосой с юго-запада на северо-восток. Г.Б.Федоров считает курганы усыпальницами патронимных семей из «района металлургов», но, видимо, они были усыпальницами малых неразделенных семей, как определяет подобные группы жилищ Б.А.Тимошук (Тимошук 1983: 15).

В 2—2,5 км к северо-западу от городища-убежища располагалось селище-спутник Алчедара VII — Хутор Одая, время существования которого занимает период рубежа VII-VIII — начало X в. Здесь выявлены полуземлянки с печами-каменками, открытые очаги, зерновые ямы и различные предметы — железный серп, спиральные сверла, кресало, ножи, глиняные пряслица, костяные проколки и др. (Федоров, Чеботаренко 1974: 58), свидетельствующие о земледельческом характере поселения. Видимо, это не единственное селище-спутник этого времени, входящее в данный комплекс или гнездо поселений, остальные, наверное, находятся под лесом.

Итак, все эти памятники составляли, как от-

мечает Г.Б.Федоров, Алчедарское гнездо поселений, в которое входили крепость, общинный центр, городище-убежище (Быря 1984: 25), окруженное деревянной стеной, ремесленное поселение («район металлургов») с курганным могильником и окружающие селища-спутники. Указанное гнездо поселений в IX — первой половине X в. представляло собой единый общественно-политический организм. Это было не поселение городского типа, а, скорее всего, большая соседская община — вервь с общинным центром, городищем-убежищем. Его можно отнести к одному из 148 «городов — civitates» тиверцев, о которых писал в последней четверти IX в. Баварский Анонимный географ (Шафарик 1848: 70).

Подобный общинный центр VIII-X вв. выявлен и предварительно исследован у с. Рудь. Он занимал площадь 1 × 1 км и состоял из городища, окружающего его поселения с ремесленными железообрабатывающими сооружениями и селища Рудь XX. Городище овальной формы размером 60 × 70 м, диаметр его в плане 50 м. Оно окружено кольцевым валом. Высота вала достигает 4-6 м, а кольцевой ров, окружающий вал, сохранился на глубину до 2 м, ширины его 2-4 м (Федоров 1972: 143-144).

В наиболее низменной (северо-восточной) части городища, как и на Алчедарском, имеется западина, видимо, тоже от древнего водоема. Городище располагалось в центре поселения, по крайней мере, последнее окружало его с трех сторон: восточной, северной и западной. Следует подчеркнуть также, что раскоп, заложенный у подошвы вала, в его северной части, не дал следов каких-либо сооружений. Раскопки на неукрепленном поселении вскрыто около 20 полуземляночных жилищ с печами-каменками, домницы для выплавки железа, различные производственные печи, хозяйственный и бытовой инвентарь, то есть материал, не отличающийся от материала из «района металлургов» в Алчедаре.

Южнее этих поселений, на левом высоком склоне оврага, по дну которого течет ручей, впадающий близ городища Рудь в Днестр, находится славянское селище, известное под названием Рудь XX. Полученный здесь керамический материал позволил предварительно отнести его к VI-IX вв. Поверхность поселения сплошь была покрыта железными шлаками. Здесь открыты жилые и ремесленные сооружения, в том числе полуземлянка с печью-каменкой и домница для выплавки железа, а также бытовые предметы. В слое много железного шлака, керамических сопел, золы (Бейлекчи, Тельнов, Власенко 1983: 171-183). Покрытая густым лесом округа не позволила пока выявить присутствие и других синхронных ему поселений. Как видим, здесь располагалось еще одно гнездо славянских поселений — община-вервь, центром которой являлось горо-

дище-убежище, игравшее роль общинного центра. Общинными центрами могли быть поселения разного типа, хотя выполняли они одни и те же общественные функции. Это могли быть объединяющие центры, такие, как коллективные убежища и ремесленные поселения, важные пункты обороны и языческие святилища. Они сглаживали противоречия, которые возможны между различными поселениями в отдельных семьях (Тимошук 1983: 25).

Ярко выраженные остатки общинного центра — городища-убежища — прослежены и на Екимауцком городище, о котором Г.Б.Федоров говорит, что на нем, как и на Алчедарском и на Царевском городищах, можно различить два периода. Судя по вещевым находкам и стратиграфическим данным, как считает автор, во второй половине X в. оборонительные сооружения Екимауцкого городища частично были разрушены или перестроены и значительно усилены. Границы первого строительного периода четко прослеживались по прослойке в 5-15 см из угля, идущей по древнейшей поверхности вала (Федоров 1953: 45). В северо-восточной части городища выявлен небольшой водоем, который использовался, видимо, на протяжении обоих периодов существования городища.

Основным признаком того, что к первому строительному периоду относились остатки общинного центра — городища-убежища, являются обнаруженные в центре открытой площадки обломки большого общественного дома. Это было удлиненное полужемляночное сооружение размером 30 × 40 м, разделенное на два помещения. Общественный характер этого сооружения подтверждается его центральным положением на городище, отсутствием стационарных печей, а также находками в его заполнении языческих амулетов, остатков сосудов и множества костей животных, употребляемых в пищу (Щукин 1957: 22-23). Длинные дома — это континны, являющиеся характерной чертой застройки городищ — общинных центров, важным элементом, присущим прежде всего городищам-убежищам. Их присутствие на городищах-убежищах является немаловажным доводом в пользу того, что эти городища выполняли не только военно-оборонительные, но и общественные функции (Тимошук 1983: 17-18). В них могли проводиться собрания общины, устраиваться пиры братчины, игрища, магические обряды или храниться общественные запасы (Тимошук 1983: 17).

Присутствие здесь городища-убежища с континной в центре предусматривает также гнездо поселений, но пока что только вокруг городища на довольно значительной площади выявлено открытое поселение ремесленников-металлургов и земледельцев. Здесь находились полужемлянки с печами-каменками, как и в «районе металлургов» в Алчедаре, располага-

лись они гнездами по два — пять жилищ, которым обычно соответствовали общие производственный комплекс, зерновая и хозяйственная ямы. Здесь же открыты домницы для выплавки железа, найдено много железного шлака, руды, керамических сопел, большое количество костей домашних и диких животных, рыб (Федоров, Чеботаренко 1974: 93).

Основная трудность в изучении открытых поселений, центрами которых являются укрепленные городища, заключается в том, что до настоящего времени их материал хронологически не расчленен, ибо на этих памятниках есть как материалы VIII-X вв., так и более поздние — древнерусские. Во всех работах о подстилающем слое VIII-X вв. говорится вскользь, а сами памятники рассматриваются только как древнерусские, относящиеся к раннефеодальной эпохе, невзирая на то, что имеются веские данные о двух периодах жизни на них.

Именно хронологическое расчленение материалов городищ с окружающими их поселениями, таких, как Алчедар, Екимауцы, переживших два строительных периода, является первоочередной задачей исследователей поселений восточнославянской культуры VIII-XII вв. на ближайшее время, ибо только после ее решения станет возможным изучение социальной эволюции этих поселений и определение основных предпосылок формирования раннефеодального города на этой территории. Исходя из уровня современных исследований, наша задача более скромна и заключается в постановке данного вопроса и предварительной наметке основных ступеней этой эволюции на территории Днестровско-Прутского междуречья.

Имеющиеся материалы показывают, как уже подчеркивалось, что древнерусским городищам в большинстве случаев предшествуют поселения с культурой типа Лука-Райковецкая VIII — первой половины X в. Центрами некоторых из них в это время были городища-убежища (Рудь, Алчедар, Екимауцы, Царевка), являвшиеся общинными центрами, то есть центрами гнезд поселений соседских общин-вервей. Остальные поселения гнезд составляли, как правило, поселки ремесленников, металлургов и земледельцев.

В отличие от Рудянского гнезда поселений (число последних, как и в остальных гнездах, вне всякого сомнения, не ограничивается только открытыми до настоящего времени памятниками), которое в X в. прекратило свое существование, социально-экономический характер остальных гнезд (Алчедарского, Екимауцкого и др.) в первой половине X в. претерпел серьезные изменения. Укрепления общинных центров этих гнезд — городищ-убежищ были разрушены и сожжены. Но на том же месте, видимо, наиболее удобном и занимающем ключевую позицию по отношению к окружающим его поселениям, воздвигнуты более мощные укреп-

ления, с которых и начинается их второй период и качественно новый этап их эволюции. На месте городищ-убежищ общинных центров воздвигаются феодальные центры — княжеские крепости.

Социальное содержание феодальных центров — городищ-княжеских крепостей — и их отличие от общинных центров — городищ-убежищ — можно выяснить на основе анализа системы и конструкции оборонительных линий и характера застройки их укрепленной площадки.

Итак, характерной особенностью Алчедарского городища на этапе общинного центра было отсутствие строений на площадке внутреннего двора, который был застроен только в древнерусский период, и наличие главной оборонительной линии в виде деревянной стены из горизонтально уложенных бревен, сгоревшие следы которых были прослежены под подошвой вала городища второго строительного периода.

Оборонительная линия второго периода городища, построенная в первой половине X в., состояла из земляных укреплений в виде кольцевого насыпного вала, современная высота которого доходит до 3,5 м, глубина рва — до 3 м, а ширина — 5-7 м. Вал был сложной конструкции, имел панцирное каменное покрытие. На его верхней платформе были сооружены бревенчатые прямоугольные городни-клетки размером 1,8 × 3 м, высотой не менее 3,3 м. Городни были заполнены камнями, глиной, землей. Над ними, возможно, возвышались заборолы (Федоров, Чеботаренко 1974: 78-79). Скат вала с внутренней стороны поддерживали три каменные подпорные стены — ряжи, а внешнюю стену рва — одна каменная стена (Щукин 1957: 14, рис. 10). Рядом с колодезем предшествующего времени был сооружен большой двухкамерный колодезь из бревенчатых спаренных срубов с деревянным водоподъемным механизмом.

Жилища и мастерские на Алчедарском городище располагались по кругу у подножия внутреннего склона вала, причем в верхней части склона находились жилища знати и воинов, а в нижней, у водоема, по мнению Г.Б.Федорова, селились ремесленники — кузнецы, оружейники, ювелиры (Федоров 1961: 80).

Крепость окружали открытые синхронные поселения: о севера Алчедар II, с юга — поселение «Поляна», с юго-востока — другое открытое поселение. На них, судя по найденным материалам, есть следы, свидетельствующие о занятии жителей земледелием, гончарным и металлургическим производством. Размер поселения 133 × 650 — 1000 м, общая площадь — 100 га. В 1 км к западу от городища сохранилось синхронное последнему селище-спутник X-XI вв. Алчедар-Хоминский Лес размером 80 × 3000 — 100 × 3000 м. Отсутствие следов металлургического производства и отдален-

ность его от городища свидетельствуют о том, что это селище населяли земледельцы.

Характерной чертой общинного центра в Екимаяцах — городища-убежища — было отсутствие каких-либо производственных и жилых строений на его укрепленной площадке, за исключением длинного дома — контини, свидетельствующего об общинном характере городища и одновременно являющегося характерным элементом застройки городищ-убежищ. Оборонительная линия раннего городища-убежища в Екимаяцах состояла из широкого рва с довольно пологими стенками и насыпного вала высотой 2,5-3,5 м, на верху которого, скорее всего, мог быть частокол (Федоров 1953: 45).

Оборонительная линия городища второго строительного периода — княжеской крепости — состояла из более мощных деревянно-земляных укреплений — рва и вала. Ров достигал в ширину 12 — 15 м, а в глубину — 5 м. Во избежание размыва ливневыми водами внешний скат рва был усилен ряжем из кольцев, жердей и плетня. Вал, насыпанный из земли, достигал 5 м в высоту, а установленные по его гребню срубы-городни, заполненные грунтом, увеличивали высоту вала до 8—8,5 м. Городни были сооружены из бревен диаметром до 35 см и достигали высоты 3—3,5 м. Над ними, вероятно, в качестве защитного ограждения возвышалось забороло. Скаты вала были усилены подпорными стенками: внутренней каменной и внешней плетневой (Щукин 1957: 12-14).

Жилища и мастерские на городище располагались по кругу, вдоль подножия вала, а внутренняя площадка не была застроена. Плохая сохранность остатков длинного дома — контини в центре городища — свидетельствует о том, что во время второго периода жизни на городище он не играл какой-либо роли, видимо, им не пользовались. На городище жили представители социальной верхушки — знать, ремесленники высокой квалификации, воины. На окружающем городище поселении располагались ремесленники-металлурги и земледельцы. Общие размеры поселения, судя по имеющимся данным, достигали более 38 га. Вокруг городища в радиусе 5 км от него, по данным Г.Б.Федорова, находилось несколько древнерусских селищ (Федоров 1952: 94).

Таким образом, приведенные материалы показывают, что городища-убежища, характерные для первого периода жизни на этих поселениях, отличались от городищ — княжеских крепостей, свойственных второму, последнему периоду их жизни, как по застройке внутренней их территории, так и по системе оборонительных сооружений.

Для первых характерны внутренняя площадка, свободная от застройки жилыми или ремесленными сооружениями, за исключением контин, а также простые оборонительные укрепления в виде земляной насыпи и частокола. В

Процесс градообразования в Поднестровье в период раннего средневековья 333

городищах второго периода — феодальных центрах — производилась застройка ремесленными и жилыми сооружениями по определенной системе вдоль насыпи вала со свободной центральной площадкой или застройка самой площадки и возведение сложной земляно-деревянной фортификационной системы на базе высоких земляных валов, укрепленных чаще всего деревянными или реже каменными конструкциями. Для городищ второго периода характерно, видимо, присутствие синхронных селищ-спутников, выявленных пока только на Алчедарском гнезде поселений, и то, видимо, далеко не всех.

Два строительных периода отмечены на Царевском городище (Федоров 1953: 45), а подстилающие слои известны и на Лукашовском древнерусском городище (Федоров, Чеботаренко 1974: 96).

Приведенные материалы показали, что на большинстве археологических комплексов прослежены два строительных периода, отражающих разный уровень их социально-экономического развития. Поселения — центры этих разных периодов отличаются как характером застройки укрепленных площадок, так и конструкцией оборонительных сооружений и составом археологических находок на них. Основным, ключевым моментом в изучении эволюции этих поселений является факт разрушения старых городищ и сооружения новых, что, как показали материалы, касающиеся других областей Древней Руси, стало следствием «окняжения», то есть распространения центральной княжеской власти на территории восточнославянских племен. Княжеские крепости в этом процессе играли роль опорных пунктов в обложении местного населения данью. Самое раннее летописное свидетельство о строительстве княжеских крепостей и их предназначении относится к 882 г., когда Олег «нача города ставиты и уставы дани словенами, кривичем и мери» (ПВЛ: I, 30).

Этот процесс вызывал сопротивление местных общин и общинной знати, противившейся насаждению новых феодальных порядков. Поэтому он сопровождался уничтожением общинных центров. Ярким примером этого служит расправа княгини Ольги в 946 г. с древлянами, которая сожгла их «грады», городских старейшин забрала в плен, других людей убила, третьих отдала в рабство своим людям, а остальных заставила платить дань (ПВЛ: I, 43).

Археологически этот процесс убедительно прослежен и раскрыт Б.А.Тимощуком на материалах памятников северной Буковины, где разрушение старых общинных центров, отмеченное следами больших пожаров, и строительство новых городищ — княжеских крепостей — носило массовый характер (Тимощук 1983: 29).

То же самое явление демонстрируют, на наш

взгляд, приведенные и проанализированные выше материалы Алчедарского, Екимауцкого и других археологических комплексов Днестровско-Прутского междуречья, где проходил процесс «окняжения» территории тиверцев. Здесь, судя по следам, оставшимся от сгоревших деревянных конструкций, старые городища-убежища также были ликвидированы. Вместе с разрушением последних могли прекратиться свое существование и некоторые селища-спутники, где обитало земледельческое население. Так, вместе с Алчедарским городищем в первой половине X в. прекратило свое существование и селище Алчедар VII — Хутор Одая.

Воздвигнутые к середине X в. княжеские крепости в Алчедаре и Екимауцах были мощно укреплены, видимо, заселены княжескими «мужами» — дружинниками, которых князь обычно «сажал» в своих феодальных центрах (ПВЛ: I, 20). Так, в княжеской крепости в Алчедаре жилища дружинников и военно-феодальной знати, как отмечал Г.Б.Федоров, занимали верхнюю ее часть, о чем могут свидетельствовать находки там литой массивной шейной серебряной гривны, украшенной сканью, — знака богатства и власти (Федоров 1960: 39-40, рис. 18), железных копий, многочисленных стрел, костяных, железных и свинцовых кистеней, частей сабель и, что очень важно, железных шпор, которые носили всадники (Федоров 1961: 80). Судя по находкам кольчужных колец и остатков зеркального доспеха из кованых железных пластин (Федоров 1960: 40, рис. 19), дружинники были защищены железными кольчугами и пластинчатыми доспехами. Здесь же, в княжеской крепости, кроме представителей военно-феодальной знати и дружинников, жили и ремесленники или воины, совмещавшие военное дело с занятием кузнечным, ювелирным, оружейным и другими ремеслами. Они занимали нижнюю часть городища у подошвы вала, ближе к водоему. В крепостях найдены остатки мастерских ювелира и оружейника с наборами инструментов, наковаленок, клещей, пробойников, зубил и упомянутых уже кольчужных колец и пластин доспехов.

Население из княжеских крепостей сочетало военное дело и ремесленные занятия, что подтверждают материалы раскопок Екимауцкого городища. Их жилища располагались вдоль насыпи вала. Разрушенные внезапным штурмом, эти жилища сохранили комплексы военно-ремесленных находок, в которые входили боевые топоры, копья, стрелы и др., и ремесленного инструментария. Так, например, в мастерской кузнеца и ювелира найдено 132 предмета, среди которых отметим тигли для плавки цветных металлов, набор кузнечных и ювелирных инструментов, куски железа и шлака и др. (Щукин 1957: 16).

Неподалеку от городищ, на различном расстоянии от них находились синхронные им се-

лица-спутники. В Алчедаре они занимали территорию к западу, югу и востоку (Алчедар I, II, Поляна), где найдены были мастерские, домины для выплавки металла, земледельческие орудия. На некотором расстоянии от городища, особняком, как уже отмечалось, располагалось другое синхронное селище-спутник — поселение земледельцев Алчедар-Хоминский Лес. Окружающие городище открытые поселения снабжали военно-ремесленный гарнизон крепости необходимым сырьем для металлургического производства и продовольствием (Тимошук 1983: 20).

Населением селищ-спутников, особенно на раннем этапе строительства феодальных крепостей, могли быть прежние жители общинных центров, которые попали в зависимость от дружинной знати в результате «окняжения» территории, сопровождавшегося уничтожением общинных центров. Судя по данным летописи, общинная верхушка уничтожалась, а остальное население обкладывалось данью и принуждалось к труду в пользу княжеской власти (Тимошук 1983: 29) на землях, где свои порядки устанавливали уже княжеские дружинники. Л.В.Черепнин, обобщивший материалы источников по Древней Руси, отмечал, что там «шло освоение общинной земли и подчинение свободных общинников путем распространения на них суда и дани государственной властью как органом правящего класса» (Черепнин 1972: 150).

Процесс «окняжения» территории тиверцев в Поднестровье происходил в первой половине X в. Это было время уничтожения общинных центров и строительства княжеских крепостей — форпостов установления княжеской власти, освоения территории и сбора дани с местного окрестного населения.

Длительное время тиверцы сохраняли свою самостоятельность и одним из последних восточнославянских племенных союзов вошли в состав Древнерусского государства. Об этом свидетельствуют данные летописи, где говорится, что в 885 г. «обладая Олег поляны и древланы и северяны и радимичи, а с уличи и тиверцы имеще рать» (ПВЛ: I, 21). В 907 г. тиверцы наряду с остальными племенами, в частности с соседями-хорватами, принимали участие в походе на Византию в составе войска князя Олега и «яже суть толковины» (ПВЛ: I, 23). В 944 г. они упоминаются в войске Игоря, который «сокупив вои многи, варяги, Русь и поляны, словени, и кривичи, и теверце, и печенеги наа... поиде на греки» (ПВЛ: I, 34-35). Это последнее упоминание о тиверцах в летописи. Как видим, борьба за покорение этого племени древнерусскими князьями и включение его территории в состав Древнерусского государства относится к середине X в. С этого времени, на наш взгляд, начинается древнерусский этап в развитии славянского населения и его материальной культуры в Днестровско-Прутском

междуречье, а также новый этап в процессе формирования поселений городского типа в Поднестровье. Это стало возможным в результате развития в VIII — первой половине X в. восточнославянского общества тиверцев, увеличения населения, появления пашенного земледелия, увеличения сельскохозяйственной и ремесленной продукции, что в конечном итоге привело к феодальному обществу и проявилось в появлении новых гнезд поселений вокруг феодальных центров — княжеских крепостей, возникновении новых, более совершенных ремесленных сооружений (мастерских), ремесленных инструментов и сельскохозяйственных орудий труда, оружия и т.д.

Б.А.Тимошук, намечая процесс становления раннефеодального города, указывает, что на определенном этапе развития славянского общества слияние ремесленных поселений с поселениями военно-феодальной знати явилось исторической необходимостью, что и должно было привести к формированию города (Тимошук 1981: 20). Причем при благоприятных условиях первые становились торгово-ремесленными посадами, а вторые — детинцами раннефеодальных городов. К этому он уточняет, что древнерусский город является особой категорией феодального поселения, совмещающего в себе центр феодального владения (детинец), относительно самоуправляющийся посад и пригородные села, совершенно справедливо отмечая при этом, что наличие городской общины является одним из существенных признаков древнерусского города (Тимошук 1983: 21).

Далее автор, основываясь на анализе большого археологического материала, дает предварительное определение главных признаков посада (Тимошук 1983: 21). К ним он относит расположение посада рядом с детинцем в окружении других поселений, наличие значительного количества ремесленных мастерских и других объектов, связанных с производственной деятельностью населения; укрепленный характер поселения; находки на поселении предметов и объектов, указывающих на дальнюю (импортные вещи) и местную торговлю; наличие на поселении улиц, усадеб, городского благоустройства, монументальных сооружений (например, храмов) и т.д. (Тимошук 1983: 21).

В свете рассмотрения этих признаков посада городской общины постараемся определить место Алчедарского и Екимавецкого гнезд поселений в процессе формирования древнерусского города. Из всех признаков по отношению к этим памятникам можно применить лишь первый — расположение ремесленного поселения рядом с детинцем. Что же касается самого важного, на наш взгляд, второго признака, то необходимо подчеркнуть, что центр ремесла (мастерские, ремесленный инструмен-

тарий) в этих гнездах поселений находился, видимо, в самой княжеской крепости, но не на соседнем с ним поселении, где он должен был находиться. Более того, на последнем вместо наличия остатков с признаками разнообразных мастерских и других объектов, говорящих о разносторонней ремесленной деятельности, прослежены главным образом лишь остатки одного ремесленного профиля – металлургического производства, готовящего сырье для металлообрабатывающих ремесел, сосредоточенных в пределах городища. Отсутствуют на этих поселениях характерные для посадов укрепления, не говоря уже о наличии улиц, монументальных и других сооружений городского благоустройства, следы которых не прослежены. Все это указывает на то, что ремесленные поселения, окружающие городища, — княжеские крепости еще не достигли уровня посадов, в основе которых лежала бы торгово-ремесленная деятельность их жителей.

Другой исследователь, внесший значительный вклад в изучение древнерусского города, А.В.Куза, считает, что состояние источников X-XII вв. не позволяет вводить в определение древнерусского города как обязательный признак наличие посадской общины (Куза 1983: 14-15), поэтому свое главное внимание в решении этого вопроса он сосредоточивает на изучении укрепленных центров в гнезде поселений.

Анализируя группировки поселений по размерам защищенной территории, он указывает, что о памятниках, имеющих защищенную площадь менее 0,3 га, нельзя говорить как о городских поселениях. Более того, он считает, что поселение с защищенной площадью до 1 га из-за его незначительных размеров и, следовательно, малой степени концентрации населения несовместимо с городским типом поселения общины (Куза 1983: 19-20).

Методом определенных им самим корреляций археологических индикаторов города А.В.Куза попытался выявить социальный тип укрепленных древнерусских поселений IX-XIII вв. Для этого он систематизировал признаки города по 8 основным рубрикам и 20 подрубикам следующим образом:

I. Экономика:

- 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты);
- 2) сельское хозяйство (орудия обработки почвы, орудия уборки урожая);
- 3) торговля (импорт, детали весов, монеты

и денежные слитки).

II. Административное управление (печати и пломбы).

III. Военное дело:

- 1) наступательное оружие;
- 2) доспехи;
- 3) снаряжение коня и всадника.

IV. Идеология:

- 1) каменные храмы;
- 2) другие культурные сооружения (капища, идолы).

V. Культура:

- 1) памятники эпиграфики;
- 2) орудия письма;
- 3) книжные заставки и накладки.

VI. Быт феодалов:

- 1) предметы боярско-княжеского парадного убора;
- 2) дорогая посуда;
- 3) высокохудожественные предметы прикладного искусства.

VII. Внутренняя топография:

- 1) усадебно-дворовая застройка;
- 2) дифференциация жилых построек по местонахождению, размерам и устройству.

VIII. Плановая структура поселения:

- 1) простая (с одной укрепленной площадкой);
- 2) сложная (с несколькими укрепленными площадками);
- 3) неукрепленные селища-посады (Куза 1983: 24).

В результате составления корреляционной таблицы археологических индикаторов исследователь пришел к выводу, что только поселения середины XII — середины XIII в. с укрепленной площадью более 2,5 га обладают всем набором археологических признаков, чтобы признать их подлинными городами (Куза 1983: 25-26).

Используя метод корреляции археологических индикаторов города, выделенных А.В.Кузой, мы с целью определения социального типа укрепленных поселений середины X — начала XII в. в Молдове составили таблицу по материалам Алчедара и Екимауц.

Уже сама площадь укрепленных площадок поселений в Молдове, составлявшая не более 0,6 га, снимает вопрос об их городском характере. Вместе с тем нужно отметить, что развитие ремесел на территории городищ определяется не только количеством находок, но и их разнообразием. Отмечено несколько направлений ремесленного производства: куз-

Наименование	Размеры укрепленной площади, га	Археологическая характеристика																							
		I			II			III			IV			V			VI			VII			VIII		
		1	2	3	1	1	2	3	1	2	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	1	2	3	
Алчедарское городище	0,56	*	1	1	0	*	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	*	
Екимауцкое городище	0,50	*	*	*	0	1	0	1	0	*	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	*	0	*	

Условные обозначения: * - много, 1 - мало, 0 - отсутствие признаков.

нечное, ювелирное, оружейное, меднолитейное, косторезное, кожевенно-сапожное с наборами соответствующих инструментов. Занятие сельским хозяйством широко представлено различными орудиями: пашенными (лемех, плужный нож, чересло), для уборки урожая (серпы), обмолота урожая (жернова), а также зерновыми ямами, десятками килограммов культурных растений — пшеницы, проса, ржи, гороха, ячменя, льна. Торговля представлена привозной посудой, денежной гривной, среднеазиатскими серебряными дирхемами, весовыми гирьками. Военный характер поселений подтверждается находками разнообразного оружия, сотен стрел, тяжелых копий — рожнов, легких метательных копий — сулиц, железных и свинцовых кистеней, боевых топоров, деталей оборонительных доспехов. Найдены также предметы снаряжения коней и всадников. Шедевром древнерусского прикладного искусства и показателем имущественной дифференциации населения поселений следует признать серебряную дровую гривну, украшенную сканью, серебряные серьги, подвески-лунницы, зерновые бляшки от ожерелья, бусы, покрытые тончайшей зернью¹. Эти предметы были достоянием только местной феодальной знати, являясь неотъемлемыми частями княжеского и боярского костюма.

По плановой структуре все поселения относятся к поселениям простого типа — с одной укрепленной площадкой. Возле них отмечены обширные неукрепленные посады.

Необходимо отметить также, что многие очень важные археологические индикаторы города отсутствуют, а именно: следы каменных храмов, памятников культуры, быта феодалов, усадебно-дворовой застройки, данные об административном управлении, дифференциации жилых построек по местоположению, размерам и устройству, а также об окольных городах, которые, на наш взгляд, являются одним из главных признаков древнерусского города.

Таким образом, отсутствие многих очень важных отмеченных выше признаков города, без которых поселение нельзя характеризовать как город, не позволяет отнести укрепленные поселения в Алчедаре, Екимауцах к ряду городских детинцев.

Итак, применение методик Б.А.Тимощука для выявления торгово-ремесленного посада и А.В.Кузы для определения детинца в гнездах Алчедарского и Екимауцкого поселений не оставляют сомнений в том, что эти поселения не достигли еще уровня города.

В период прекращения жизни на них эти поселения представляли собой, видимо, феодальные центры — княжеские крепости с располагавшимися в окрестностях открытыми неукрепленными поселениями-спутниками. Крепость была средоточием военно-феодальной знати, дружинников и ремесленников. На окружающих их поселениях располагались ремесленники-металлурги, гончары, крестьяне-земледельцы, снабжавшие своей продукцией жителей крепости.

Таким образом, гнезда древнерусских поселений середины X — начала XI в. в Молдове уровня города не достигли в силу отсутствия ряда отмеченных выше важных городских признаков. Они были вместе с тем поселениями раннегородского типа, находящимися на стадии трансформации в город, для чего очень важно было прежде всего формирование городской общины окольного города-посада, в полном смысле этого слова. В отличие от сложившегося города, раннегородские поселения имели лишь некоторые градообразующие признаки, что дает возможность применить к ним термин «протогород».

Древнерусским протогородам типа Алчедарского и Екимауцкого поселений, видимо, в процессе дальнейшего социально-экономического развития при благоприятных условиях (когда княжеские крепости вследствие значительного расширения их площади могли превратиться в детинцы, а окружающие их ремесленные поселения с остатками сооружений различного рода производств — в торгово-ремесленные посады) предстояло перерасти в подлинные города. Но длительный процесс первого этапа градообразования в Днестровско-Прутском междуречье вместе с общим развитием феодальных отношений, которое на этой территории шло по древнерусскому пути (Федоров 1973: 42-52), был внезапно прерван, причиной чему могло быть вторжение тюрок-кочевников.

¹ Материалы, характеризующие более полно уровень ремесла, сельского хозяйства, военного дела, торговли и т.д., см.: Федоров 1953а: 104-126.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлекчи В.С., Тельнов Н.П., Власенко И.Г. 1983. Раскопки славянского поселения Рудь XX в 1980 г. / / АИМ 1979-1980, Кишинев.
- Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — нач.XVI в.). Кишинев.
- Куза А.В. 1983. Социально-историческая типология среднерусских городов X-XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). Выпуск 6., М.
- ПВЛ – «Повесть временных лет». 1950, ч.1, М.-Л.
- Русанова И.П. 1976. Славянские древности VI-VII вв. М.
- Тимошук Б.А. 1981. Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. М.
- Тимошук Б.А. 1983. Общинный строй славян (по археологическим данным Северной Буковины). Автореферат дисс. ... докт.ист.наук. М.
- Федоров Г.Б. 1952. Славяне Поднестровья // Вестник АН МССР, No 2
- Федоров Г.Б. 1953. Славянские городища в Молдавии (К итогам работ Молдавской археологической экспедиции в 1953 г.) // Вестник Академии наук СССР, No 4.
- Федоров Г.Б. 1953а. Городище Екимауцы. // КСИИМК, 50.
- Федоров Г.Б. 1960. Работы Пруто-Днестровской экспедиции // КСИА, 81.
- Федоров Г.Б. 1961. Работа Пруто-Днестровской экспедиции в 1959 г. // КСИА, 86.
- Федоров Г.Б. 1968. Работа Пруто-Днестровской экспедиции в 1963 г. // КСИА, 113.
- Федоров Г.Б. 1972. Древнерусское поселение на севере Молдавии // АИМ-1968, Кишинев.
- Федоров Г.Б. 1973. Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX — XII вв. // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев.
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI-XIII вв.) — АКМ. Вып. 6. Кишинев.
- Черепнин Л.В. 1972. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX-XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М.
- Шафарик П.И. 1848. Славянские древности. II, ч. III. М.
- Щукин Г.Б. 1957. Городище Екимауцы в Молдавии // Архитектурное наследие, No 8.